
Наталья Мицюк

КОНСТРУИРУЯ «ИДЕАЛЬНУЮ МАТЬ»: КОНЦЕПЦИИ МАТЕРИНСТВА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Статья посвящена исследованию процесса конструирования концепта «идеального материнства», медиализации жизни женщины в условиях индустриальной России. Автор, основываясь на женских эго-документах, научных и публицистических статьях начала XX в., используя компаративный и социально-конструктивистский подходы, полагает, что в отношении женщин стали реализовываться «политики тела», которые перешли из-под контроля семьи к государству. Возникшие конструкты «сознательного», «профессионального», «экспертного» материнства предписывали определенные стандарты в сфере репродукции, материнского поведения. Культ «идеального материнства», активно проповедовавшийся экспертным сообществом (врачами, писателями, педагогами, психологами), был призван остановить разворачивающийся процесс женской эмансипации. Отклонение от стандартов рассматривалось в качестве девиации. Феминистским ответом на экспертные конструкты материнства стала зарождающаяся идеология «свободного» и «интенсивного» материнства.

Ключевые слова: материнство, «сознательное материнство», медиализация, дворянки, беременность, репродукция

К началу XX в. под влиянием предписаний экспертов в обществе стали формироваться различные концепции «идеального материнства» (о концепции см. Apple 2006). Врачи, педагоги, литераторы настойчиво доказывали, что «материнского инстинкта» недостаточно для воспитания детей. Они предъявили к матерям новые требования, конструируя модели их поведения.

Наталья Александровна Мицюк – к.и.н., докторант Института этнологии и антропологии Российской академии наук, старший преподаватель Смоленской государственной медицинской академии, Смоленск, Россия. Электронная почта: Mitsyuk.natalya@gmail.com

Наблюдался процесс медиализации материнства (Фуко 1998). Развитие идеологии материнства тщательным образом проанализировано на Западе, в особенности американскими и канадскими учеными (Rich 1976; Badinter 1981; Apple 1987; Чодороу 2006). В отечественной науке эта область знаний остается малоизученной, за исключением исследований конструкта материнства в советской и постсоветской России (Щепанская 1994; Пушкарева 2001; Здравомыслова, Темкина 2009; Михель 2009). Опыт дореволюционной России почти не берется в расчет исследователями, в то время как именно в этот период получили развитие идеологии «сознательного», «экспертного», «свободного», «профессионального» материнства.

Представленная статья нацелена на раскрытие того, как в условиях реформенной России происходило конструирование «идеального материнства», предписывающего женщине определенные стандарты в сфере репродукции, материнского поведения, социальной деятельности. В центре исследовательского интереса – женщины высших слоев общества, которые могли полностью посвятить себя воспитанию детей и воплотить идеи «идеального материнства». Я использую компаративный, социально-конструктивистский подходы, а также антропологически ориентированный и феминистский подходы. Методика работы с эмпирическим материалом состояла в сопоставлении различных официальных предписаний матерям (научного и научно-популярного дискурса) с субъективными переживаниями женщин (представлены на страницах эго-документов), манифестирующих женскую эмоциональность, телесные практики авторов, табуированные в официальных источниках. На мой взгляд, данная методика позволит избежать ложных представлений и выводов, так как предписания врачей и педагогов еще не свидетельствуют об изменениях в практиках материнства.

Концепция «сознательного материнства»

На Западе принято считать (см., напр., Чодороу 2006; Badinter 1981), что идеология «сознательного материнства» появилась в конце XVIII в. с развитием капитализма. Ее носителями стали буржуазные слои общества. На смену «безразличным матерям» приходила «новая мать», смысл жизни которой сосредоточивается вокруг рождения и самостоятельного воспитания детей. Изучение широкого круга личных документов, принадлежавших российским дворянкам, позволяет сделать обратный вывод: идеология «сознательного материнства» в теории и на практике укреплялась в среде привилегированных классов. Женские дневники, письма, воспоминания пестрят описаниями времени, проведенного с детьми (Мицшок 2014б). Светские визиты в жизни «новых матерей» превращались в дружеские посещения семей с детьми. Они становились центром семейной жизни, вокруг которых сосредотачивались ежедневные материнские заботы. На смену апатичного отношения к детям, отстраненности женщин высшего сословия от воспитания

к началу XX в. сформировалась культура родительства, основанная на активном участии матери в воспитании детей, сокращении числа прислуги (кормилиц, нянь). В материнстве аристократки стремились найти собственную женскую идентичность. Чем были обусловлены столь кардинальные изменения, произошедшие за полвека?

Значительную роль в распространении концепции «идеального материнства» в индустриальной России сыграли врачи, педагоги, писатели и журналисты. Они впервые описали образ «хорошей матери», появились представления о «плохих матерях», не соответствующие предписаниям экспертов. Акушеры, педиатры, гинекологи доказывали большую роль материнской близости в формировании личности ребенка. Основное содержание медицинских рекомендаций сводилось к тому, что исполнение женщиной материнских обязанностей – ее святой долг, через который реализуется женственность и гражданственность. Ярким защитником святости материнского долга стал Л. Н. Толстой. С помощью конструкта материнства он пропагандировал образ идеальной женщины-матери, обрушиваясь с острой критикой в адрес эмансипированных женщин (Толстой 1983: 391). О высоком христианском предназначении матери продолжали писать и говорить представители русской религиозной философии (Соловьев 1991: 22), священнослужители (Кронштадтский 1903), которые отказывались рассматривать женщину вне ее семейных статусов и ролей. Они защищали тип матери жертвенной, асексуальной, целомудренной, глубоко верующей, полностью посвятившей жизнь мужу и детям. С женщиной-матерью связывали надежды духовного возрождения общества (Лозинский 1904: 49).

К началу XX в. накопилось значительное число популярных медицинских трудов, активно пропагандирующих материнскую сознательность. Эта публичная дискуссия получила у современников название «материнское движение» (Лозинский 1904: 49). Вне зависимости от своей политической, партийной, профессиональной, идеологической принадлежности, авторы были солидарны в своих определениях материнства. Быть плохой матерью становилось преступлением в глазах общественности, формировался так называемый феномен «материнской вины» (о концепции см. Еуер 1996). Некоторые врачи сравнивали слабый материнский инстинкт у молодых женщин с распространением мастурбации у мужчин, и то и другое приписывая к проявлению социальных извращений (Якшевич 1904: 13–14; Шипов 1903: 220), причем к мнению мужчин-врачей присоединялись и столь редкие тогда в рядах докторов специалисты-женщины (Безобразова 1914: 8). Во врачебном дискурсе актуализировался вопрос грудного вскармливания. На аристократок, прибегавших к услугам кормилиц, все чаще нападали с острой критикой, самостоятельное грудное вскармливание приобретало символ «сознательного материнства» и материнской любви.

На мой взгляд, интерес к проблеме материнской сознательности в первую очередь обусловлен острой дискуссией о роли и месте женщины в рамках так называемого женского вопроса. В условиях разрушения ценностей и принципов патриархальной семьи, внутри которой осуществлялся контроль над женским телом и его репродуктивной функцией, власть определять соответствующие нормы переходила к авторитетным экспертам (философам, писателям, врачам, педагогам, психологам). Именно они стали проповедовать идеи святости материнства, тем самым ограничивая сферы женской самореализации.

Материнство как контролируемый институт

Если в медицинских и педагогических работах 1870–1890-х гг. предписания экспертов в отношении матерей носили рекомендательный характер, то со временем они становились все более категоричными. Врачи диктовали женщинам во что одеваться, как вести себя до и после замужества, как часто иметь половые отношения с мужем, как себя вести во время беременности, рожать, кормить грудью, делая их поведение полностью подконтрольным. Сексуальные отношения женщины во время беременности, кормления грудью большинством экспертов считались недопустимыми и противоестественными как с моральной, так и с физиологической стороны. Некоторые из них приписывали подобные практики к разряду извращений. Попытки вмешаться в процесс ограничения рождаемости посредством использования контрацептивов, встречали яростную критику (Дрентельн 1908: 72; Якобсон 1905). Публицист Сергей Елпатьевский, с ужасом отмечая, что противозачаточные средства пользуются огромным спросом даже в провинциальных аптеках, называл практики предохранения «самоистреблением человечества» (Елпатьевский 1914: 269). Аристократки, использовавшие контрацептивы в супружеской жизни, считали собственные действия аморальными. А. А. Знаменская признавалась: «он говорил о каких то тампонах, губках, да больно, все это пакостно» (РГА-ЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 31об).

В отношении женщин высших классов формировались «политики тела», которые можно рассматривать как способ управления и контроля. С развитием женской эмансипации власть всерьез обеспокоилась чрезмерной активностью женщин, в связи с этим идеология «сознательного материнства» стала особенно актуальной, так как она возвращала их в лоно семьи, ограничивая деторождением и воспитанием детей. «Идеальная мать», равно как и «идеальная женщина», не принадлежала себе, она должна была выполнять многочисленные указания экспертов, а если и иметь собственные взгляды, то исключительно в рамках предписанных правил, наставлений, рекомендаций. Незамужняя, бездетная женщина воспринималась как патология.

От «материнского просвещения» к «экспертному материнству»

Впервые о важности просвещения женщин, как будущих матерей было сказано в нормативных документах екатерининской эпохи. С конца XVIII в. в отношении женщин стала утверждаться идеология воспитания матерей, которая претворялась в жизнь на всем протяжении XIX в. Открытие молочных кухонь, детских садов, бесплатных родильных стационаров были призваны снизить уровень детской смертности и инфантицида прежде всего в среде низших классов. Что касается представительниц высших слоев общества, то с развитием педиатрического знания образованным матерям предлагалось стать экспертами в вопросах материнства. Это означало, что беременная женщина, роженица, мать будет находиться в тесном контакте с врачом во всех вопросах, связанных с собственным репродуктивным здоровьем и здоровьем своего ребенка. Женщины в повседневных заботах о детях все чаще доверяли не своему внутреннему чувству, советам знакомых, а специалистам – квалифицированным педиатрам. Это явилось одной из причин зарождения педиатрического патронажа и консультирования в аристократических и интеллигентных семьях. Формировался тандем в лице озабоченной развитием чада матери и частнопрактикующего врача.

Мать-эксперт обязана быть не просто просвещенной, но и читать педагогическую литературу, применять полученные знания в семье. Популярность этих идей была настолько сильна, что нередко женщины терзались отсутствием достаточной подготовки к своим материнским обязанностям. Провинциальная дворянка, будучи матерью двоих дочерей, рассуждала: «Нынче у меня часто является сознание своей плохой научной подготовки и необходимости во всестороннем образовании. Это образование нужно мне как матери» (РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 383. Л. 23).

Мать – это профессия. Идеология «профессиональной матери»

С конца XIX в. получила распространение идея профессионализации материнства. Впервые высказываться в пользу того, что материнство может стать профессией для аристократок, стал Л.Н. Толстой. Аристократок, стремящихся к экономической независимости, русский классик сравнивал с проститутками (Толстой 1984: 687). Он был убежден, что единственным «истинным», «Богом положенным» трудом для женщины является рождение и воспитание детей. Его идеи были настолько убедительны, что нашли одобрение даже среди феминисток (Конради 1899; Покровская 1913; Михайлова 1917). Молодые матери, образованные, с активной жизненной позицией, пытались убедить себя в том, что именно исполнение материнских ролей – способ их социального служения и выражения гражданского долга (РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1.

Д. 383. Л. 27). Между тем некоторые публицисты высказали провокационный тезис о том, что женщина может быть кем угодно, но только не матерью (Лемешов 1912: 70; Вахтина 1911: 198). Такое утверждение обосновывалось профессиональной неподготовленностью женщины к этой роли.

Педагогические теории проникали на страницы научно-популярной, художественной литературы, дамских журналов. У материнского воспитания появились специальные задачи, мать становилась ответственным участником педагогического процесса. От «новых матерей» эксперты требовали профессионального исполнения своих обязанностей. Женщинам настойчиво вменялось вести дневники – «свою лучшую книгу» (Розеггер 1914), в которых родительницы должны были фиксировать собственное состояние во время беременности, а затем особенности ухода за ребенком. В архивах хранятся многочисленные отрывки из дневников неизвестных дворянок, где они подробно делились своими переживаниями материнства. В частности, графиня С. Ф. Вонлярлярская писала:

1,2,3-й день по рождению ничего ненормального в состоянии новорожденной не замечалось; 4 сутки – слабит часто, помалу, зеленою. Ночью сильно беспокоилась... 7-е сутки – беспокойна ночью, 1ч – сосала кормилицу, 2ч.30м – кричала, 3–4ч – заснула... Днем: кушала в 12.15–80гр., уснула в 2ч, 3.45 – съела 70гр, 5ч – 70гр, отрыгнула, 6.30–85, 8 ч.– 70гр, 9 ч – ванны, 10 ч.– сон. Всего за сутки 445 гр (ГАРФ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–3).

Ежедневные измерения нередко вызывали тревожность, усугубляя и без того нервное состояние. «Он ужасно огорчает меня своим весом и беспокойством... Не знаю, отчего он падает эти дни» (ОР РНБ. Ф. 601. № 645. Л. 27–28), – волновалась молодая мать. Эти записи, помимо задач педиатрической и педагогической, несли и другую, не менее важную, миссию. Дневниковые наблюдения основательно «привязывали» мать к ребенку, заикливали ее на любых проявлениях его развития. Среди аристократок особую популярность приобретали педагогические идеи Ф. Фребеля и М. Монтессори, родители увлекались развивающими игрушками, которые можно было встретить в продаже. Развитие получили родительские кружки и ассоциации. «Новые матери» все чаще предпочитали романам научную литературу (ОР РНБ. Ф. 601. № 1658. Л. 17). Священной книгой для матерей этой категории стал труд врача-просветителя В. Н. Жука «Мать и дитя» (Жук 1906).

В столице открывались курсы для матерей, организовывались специальные выставки и обучение в рамках благотворительных обществ, звучали предложения открыть музей материнства в качестве важного просветительского центра (Словцова 1913: 82–84; Михайлова 1917). Журнал «Охрана материнства и младенчества» стал центром публичных обсуждений инициатив в этой области. В 1916 г. было организовано «Всероссийское общество памяти В. Н. Жука», членами которого была снята первая короткометражная лента для матерей «Что нам следует знать» (Троицкий 1916: 155). Апофеозом инициатив гигие-

нистов, педиатров, педагогов стало предложение провести «выставку детей» в Москве и организовать сдачу экзамена на знание основ материнства. Предполагалось, что женщины в сопровождении нянь привезут своих малышей, а компетентная комиссия, исследовав столь ценный продукт труда, вынесет вердикт (Объявление 1914). Дети становились объектами экспертных оценок, а материнство превращалось в профессиональную деятельность.

Зарождение идей «свободного» и «интенсивного» материнства

Идея «свободного материнства» была тесно связана с проблемами политических, социальных прав женщин и отражала новые веяния в половой морали аристократок. Традиционная идеология патриархальной семьи принуждала женщину осуществлять репродуктивную функцию, в то время как в условиях разорения дворянских семей прокормить многочисленное потомство становилось все сложнее. Складывалась парадоксальная ситуация: женщины не хотели бесконечно рожать, мужчины не способны были обеспечить многочисленные семейства, – и все это на фоне доминирования ценностей патриархальной семьи. Сложившаяся дилемма нашла разрешение в негласно утвердившемся принципе «свободного материнства». Так аристократки стремились преодолеть существующий «двойной стандарт» (Фридан 1993) по отношению к репродуктивному поведению. Идея репродуктивной свободы приобрела особую актуальность в рамках деятельности политических женских организаций, в работе Первого Всероссийского женского съезда, Двенадцатого Пироговского медицинского съезда. Феминистками был актуализирован вопрос о необходимости использования контрацепции и о возможности легализации абортов по медицинским показаниям (Мицюк 2014а). Мария Покровская неконтролируемое деторождение считала приговором женской свободе и одним из видов «общественного зла», который превращает женщину из личности в «половой родильный аппарат» (Покровская 1913: 234). Часть врачебного сообщества России, в отличие от западных коллег, пропагандировала идею ограничения деторождения с помощью специальных средств контрацепции (Дрекслер 1910: 42).

Начинается формирование «интенсивного материнства», представительницы которого демонстрировали равновесие между частным и публичным в своей жизни. В ответ на тезис мужчин о том, что беременность, кормление, воспитание детей отнимает у женщины чрезвычайно много сил, следствием чего является ее неспособность реализоваться в иных сферах деятельности, феминистки предложили пути совмещения материнства с профессиональной активностью, доказывая ее состоятельность в теории и на примере собственной жизни (Львова 2010; Конради 1899). Растущий уровень образования, возможности профессиональной занятости открывали женщинам простор для деятельности. Зачастую низкий достаток семьи заставлял замужних женщин,

вопреки канонам традиционного общества, работать. Кроме этого, использование труда прислуги давало возможность дворянкам успешно сочетать домашние дела с общественной деятельностью. На смену отрицанию материнства пришли идеи отсроченного материнства, рационализации деторождения (ограничения его числа, повышения брачного возраста, применения средств контрацепции), активного привлечения мужчин к уходу за детьми, освоения общественных форм воспитания детей (детские сады).

Подводя итог

Современные российские ученые полагают, что культурный императив материнства был сформирован на протяжении XX в. в условиях советского этакратического гендерного порядка (Здравомыслова, Темкина 2009; Пушкарева 2008). На мой взгляд, процесс мифологизации материнства начался несколько раньше – со второй половины XIX в., совпав с противоположным для него явлением женской эмансипации. В России зарождалось отношение к материнству в современном его понимании, при котором мать оказывалась активной участницей воспитательного процесса. В то же время за лозунгами «сознательного», «экспертного», «профессионального» материнства скрывалось стремление части российского общества приостановить чрезмерную активность женщины на общественном поприще, привязать ее к семье и детям, убедить в том, что материнство – единственно важная социальная функция. Эти концепты, с одной стороны, были призваны спасти разрушавшуюся патриархальную семью с ее жесткими гендерными ролями и статусами. С другой стороны, в результате развития акушерских и педиатрических знаний с помощью новых конструктов происходила медиализация материнства и детства. В ответ на рефлексию мужских представлений об идеальной женственности в эмансипированной среде зарождались концепции «свободного» и «интенсивного» материнства. Таким образом, обращение к теме материнства в высших слоях общества было ответной реакцией на женскую эмансипацию.

Выражения признательности

Статья подготовлена на материалах исследования «Субкультура материнства в дворянской среде пореформенной России: антропологический и исторический подходы» при поддержке РГНФ, грант № 14–31–01217.

Список сокращений

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

Список источников

- Безобразова М. О материнской любви // *Семейное воспитание*. 1914. (1): 5–16.
- Вахтина М. Кем не может быть женщина // *Женский вестник*. 1911. (10): 198–202.
- Дрекслер К. *Как предупредить беременность у больных и слабых женщин*. СПб.: Свет, 1910.
- Дрентельн Е. С. *Этюды о природе женщины и мужчины*. М.: Изд. Брейтигама, 1908.
- Елпатьевский С. Самоистребление человечества: По поводу съезда криминалистов в Петербурге // *Русское богатство*. 1914. (4): 262–278.
- Жук В. Н. *Мать и дитя. Гигиена в общедоступном изложении*. СПб.: Изд-во В. И. Губинского, 1906.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. (ред.) *Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине*. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009.
- Конради Е. И. *Исповедь матери*. СПб.: тип. А. Пороховщикова, 1899.
- Кронштадтский И. *Горькая правда о девушках и женщинах*. СПб.: б/и, 1903.
- Лемешов Е. О материнстве // *Женский вестник*. 1912. (3): 69–73.
- Лозинский Е. Ю. О настоящем и будущем женского движения в связи с проблемой целомудрия и задачами материнства // *К свету. Научно-литературный сборник*. СПб.: Изд. Комитета Общества доставления средств, 1904: 31–79
- Львова (Симонович) М. *Хочу умереть в России*. М.: Изд-во «Жизнь и мысль», 2010.
- Михайлова А. Т. Музей по охране материнства и младенчества // *Охрана материнства и младенчества*. 1917. (6): 507–518.
- Михель Д. В. Медикализация общества: теория, история, микрополитика // *Журнал исследований социальной политики*. 2009. 7 (3): 293–294.
- Мицюк Н. А. Средства контрацепции в повседневной жизни дворянок на рубеже XIX–XX веков // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2014а. 14(2): 49–68.
- Мицюк Н. А. Типы российских дворянок начала XX века по отношению к собственной фертильности и материнству // *Женщины в российском обществе*. 2014б. (2): 17–29.
- Объявление // *Семейное воспитание*. 1914. (1): 72.
- Покровская М. И. Теория воспитания рабынь // *Женский вестник*. 1913. (10): 233–238.
- Пушкарева Н. Л. Отечественные исследования по социологии, истории и этнологии материнства // *Этнографическое обозрение*. 2001. (5): 91–101.
- Пушкарева Н. Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины: влияние православного и этакратического гендерных порядков // *Женщина в российском обществе*. 2008. (2): 3–17.
- Розеггер П. Мать, пиши свою лучшую книгу // *Семейное воспитание*. 1914. (8–9): 43–50.
- Словцова А. В защиту «курсов для матерей» // *Женский вестник*. 1913. (2): 82–84.
- Соловьев В. Смысл любви // В. П. Шестаков (ред.) *Русский Эрос, или Философия любви в России*. М.: Прогресс, 1991.
- Толстой Л. Н. *Собрание соч. в 22 т.* Т. 16. М.: Худ. литература, 1983.

- Толстой Л. Н. Письмо к Н. Н. Страхову от 19 марта 1879 // *Собр. соч. в 22 т.* Т. 17. М.: Худ. литература, 1984: 687.
- Троицкий И. В. Охрана материнства в Харькове // *Охрана материнства и младенчества*. 1916. (1): 150–156.
- Фридан Б. *Загадка женственности*. М.: Прогресс, 1993.
- Фуко М. *Рождение клиники*. М.: Смысл, 1998.
- Чодороу Н. *Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера*. М.: РОССПЭН, 2006.
- Шипов Н. Н. *Материнский инстинкт*. Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1903.
- Щепанская Т. Б. Мир и миф материнства. Санкт-Петербург, 1990-е годы (Очерки женских традиций и фольклора) // *Этнографическое обозрение*. 1994. (5): 15–27.
- Якобсон Л. Половое воздержание перед судом медицины // *Русский врач*. 1905. (18): 588–594.
- Якшевич В. С. *Плоды разврата*. СПб.: б/и, 1904.
- Apple R. D. *Mothers and Medicine: a Social History of Infant Feeding, 1890–1950*. Madison: University of Wisconsin Press, 1987.
- Apple R. D. *Perfect motherhood: science and childrearing in America*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2006.
- Badinter E. *Mother love: myth and reality: motherhood in modern history*. New York: Macmillan, 1981.
- Eyer D. E. *Motherguilt: How Our Culture Blames Mothers for What's Wrong With Society*. New York: Times Books, 1996.
- Rich A. C. *Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution*. New York: Norton, 1976.

Natalia Mitsyuk

CONSTRUCTING THE "IDEAL MOTHER": THE CONCEPT OF MOTHERHOOD IN RUSSIAN SOCIETY IN THE BEGINNING OF XX CENTURY

This article aims to explore the process behind both the construction of the concept "ideal motherhood" and the medicalization of women's lives in the conditions of industrial Russia. This article is based on an examination of female personal documents and academic and popular articles written at the beginning of the 20th century. In employing comparative and socio-constructivist approaches, this article suggests that, in this period, Russia witnessed the creation of a "body policy" that facilitated the transfer of control over the family to the state. The appearance of new constructs such as "conscious", "professional" and "expert" motherhood imposed new standards of behavior for women in reproduction and maternity. This can be seen in experts keeping close contact with the mother, the use of maternal education, the promotion of sex only as a means of reproduction and bans on contraception, sexual relations during pregnancy and lactation. The cult of "ideal motherhood" was actively propagated by the expert community made up of doctors, writers, teachers, psychologists. It was intended to stop the process of female emancipation and return women to the bosom of the family. The rejection of these standards was seen to be a deviation from true maternal instinct. Motherhood, as such, became a regulated and imposed cultural institution. Given that constructs such as the female and feminine were closely tied to motherhood, this had a significant impact on gender order in society. Feminist responses to the expert constructs of motherhood could be found in the emerging ideology of "voluntary" and "intensive" motherhood.

Keywords: motherhood, "conscious motherhood", medicalization, noblewoman, pregnancy, reproduction

References

- Apple R. D. (1987) *Mothers and Medicine: a Social History of Infant feeding, 1890–1950*, Madison: University of Wisconsin Press.
- Apple R. D. (2006) *Perfect Motherhood: Science and Childrearing in America*, New Brunswick: Rutgers University Press.
- Badinter E. (1981) *Mother Love: Myth and Reality: Motherhood in Modern History*, New York: Macmillan.
- Bezobrazova M. (1914) O materinskoj ljubvi [About Motherly Love]. *Semejnoe vospitanie* [Family Education], 1: 5–16.
- Chodorow N. (2006) *Vosproizvodstvo materinstva: psihoanaliz i sociologija gendera* [The Reproduction of Motherhood: Psychoanalysis and the Sociology of Gender], Moscow: ROSSPEN.
- Dreksler K. (1910) *Kak predupredit' beremennost' u bol'nyh i slabyh zhenshhin* [How to Prevent Pregnancy in Sick and Weak Women], St. Petersburg: Svet.
- Drentel'n E. S. (1908) *Jeftudy o prirode zhenshhiny i muzhchiny* [Essays on the Nature of Women and Men], Moscow: Izd. Brejtgigama.
- Elpat'evskij S. (1914) Samoistreblenie chelovechestva: po povodu s'ezda kriminalistov v Peterburge [The Self-Destruction of Mankind: on the Occasion of the Congress of Criminologists in St. Petersburg]. *Russkoe bogatstvo* [Russian Wealth], (4): 262–278.
- Eyer D. E. (1996) *Motherguilt: How Our Culture Blames Mothers for What's Wrong With Society*, New York: Times Books.
- Foucault M. (1998) *Rozhdenie kliniki* [The Birth of the Clinic], Moscow: Smysl.
- Fridan B. (1993) *Zagadka zhenstvennosti* [The Riddle of Femininity], Moscow: Progress.
- Jakobson L. (1905) Polovoe vozderzhanie pered sudom mediciny [Sexual Abstinence Before the Court of Medicine]. *Russkij vrach* [Russian Doctor], 18: 588–594.

Natalia A. Mitsyuk – the candidate of historical sciences, the doctoral candidate at the Institute of Ethnology and Anthropology, senior lecturer of the Smolensk state medical Academy, Russian Federation. Email: Mitsyuk.natalya@gmail.com

- Jakshevich V.S. (1904) *Plody razvrata* [The Results of Debauchery], St. Petersburg: not specified.
- Konradi E.I. (1899) *Isповед' materi* [The Confession of the Mother], St. Petersburg: A. Porohovshhikov Press.
- Kronshtadtskij Ioann (1903). *Gor'kaja pravda o devushkah i zhenshshinah* [The Bitter Truth about Girls and Women], St. Petersburg: not specified.
- Lemeshov Ev. (1912) O materinstve [About Motherhood]. *Zhenskij vestnik* [Female Bulletin], 3: 69–73.
- Lozinskij E. J. (1904) O nastojashhem i budushhem zhenskogo dvizhenija v svjazi s problemoj celomudrija i zadachami materinstva [About the Present and Future of the Women's Movement in Connection with the Problem of Chastity and Tasks of Motherhood]. E. K. Letkova (eds.) *K svetlu. Nauchno-literaturnyj sbornik* [To the Light. Scientific and Literary Collection], St. Petersburg: Izd. Komiteta Obshhestva dostavlenija sredstv: 31–79.
- Mihajlova A. T. (1917) Muzej po ohrane materinstva i mladenchestva [The Museum on the Protection of Maternity and Infancy]. *Ohrana materinstva i mladenchestva* [Protection of Motherhood and Infancy], 6: 507–518.
- Mihel' D.V. (2009) Medikalizacija obshhestva: teorija, istorija, mikropolitika [The Medicalization of Society: Theory, History, Micro-Politics. Editorial]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 7 (3): 293–294.
- Mitsyuk N. A. (2014a) Sredstva kontracepcii v povsednevnoj zhizni dvorjanok na rubezhe XIX–XX vekov [Contraception in the Everyday Life of Noblewomen at the turn of the 20th century]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija* [Bulletin of the Tver State University. Series: History], 14. (2): 49–68.
- Mitsyuk N. A. (2014b) Tipy rossijskikh dvorjanok nachala XX veka po otnosheniju k sobstvennoj fertil'nosti i materinstvu [The Types of Russian Noblewomen at the Beginning of the 20th Century in Relation to Their Fertility and Motherhood]. *Zhenshshiny v rossijskom obshhestve* [Women in Russian Society], 2: 17–29.
- Pokrovskaja M. I. (1913) Teorija vospitanija rabyn' [The Theory of the Education of Slaves]. *Zhenskij vestnik* [Female Bulletin], (10): 233–238.
- Pushkareva N. L. (2001) Otechestvennye issledovanija po sociologii, istorii i jetnologii materinstva [National Research in Sociology, History and Ethnology of Motherhood]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], (5): 91–101.
- Pushkareva N. L. (2008) Seksual'nost' v chastnoj zhizni russoj zhenshhiny: vlijanie pravoslavno-gi i jetkraticeskogo gendernyh porjadkov [Sexuality in the Privacy of Russian Women: the Influence of Russian Orthodox and Hierarchical Gender Orders]. *Zhenshshina v rossijskom obshhestve* [Women in Russian society], (2): 3–17.
- Rich A. C. (1976) *Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution*, New York: Norton.
- Shhepanskaja T. B. (1994) Mir i mif materinstva. Sankt-Peterburg, 1990-e gody (Ocherki zhenskikh tradicij i fol'klora) [The world and the Myth of Motherhood. St. Petersburg, in the 1990's (Essays on Women's Traditions and Folklore)]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 5: 15–27.
- Shipov N. N. (1903) *Materinskij instinkt* [Maternal Instinct], Smolensk: Tip. P. A. Silina.
- Simonovich (L'vova) M. (2010) *Hochu umeret» v Rossii* [Want to die in Russia], Moscow: Izd-vo "Zhizn' i mysl'".
- Slovцова A. (1913) V zashhitu "kursov dlja materej" [In Defense "courses for mothers"]. *Zhenskij vestnik* [Female Bulletin], 2: 82–84.
- Solov'ev V. (1991) Smysl ljubvi. [The Meaning of Love]. V. P. Shestakov (ed.) *Russkij Jeros, ili Filosofija ljubvi v Rossii* [Russian Eros, or Love Philosophy in Russia], Moscow: Progress.
- Tolstoj L. N. (1983) *Sobranie sochinenij v 22 t.* [Selected Works in 22 toms]. V. 16, Moscow: Hud. literatura.
- Tolstoj L. N. (1984) Pis'mo k N. N. Strahovu ot 19 marta 1879 [Letter to N. N. Strakhova on March 19, 1879]. *Sobr. sochinenij* [Collected Works] v 22 t. V. 17, Moscow: Hud. literatura: 687.
- Troickij I. V. (1916) Ohrana materinstva v Har'kove [Maternity Protection in Kharkiv]. *Ohrana materinstva i mladenchestva* [Protection of Motherhood and Infancy], 1: 150–156.
- Vahtina M. (1911) Kem ne mozhet byt' zhenshshina [Who a Woman Cannot be]. *Zhenskij vestnik* [Female Bulletin], 10: 198–202.
- Zdravomysl'ova E. A., Temkina A. A. (eds.) (2009) *Zdorov'e i doverie: gendernyj podhod k re-produktivnoj medicine* [Health and Trust: a Gender-Based Approach to Reproductive Medicine], St. Petersburg: EUSP Press.
- Zhuk V. N. (1906) *Mat' i ditja. Gigiena v obshhedostupnom izlozhenii* [The Mother and Child. Hygiene in a Public Statement], St. Petersburg: Izd-vo V. I. Gubinskogo.